

ПОМНИМ СВОИХ ГЕРОЕВ

Военный доктор

Сегодня мы открываем рубрику, посвященную 70-летию Великой Победы. В ней мы по мере сил расскажем о жизни ученых, сотрудников, выпускников университета в годы Великой Отечественной войны. В этом номере предлагаем вам отрывок из мемуаров Виктора Эдуардовича Колла — ученого-фармацевта, химика, доктора биологических наук. В 1966-1971 годах он был проректором по учебной работе Пермского государственного университета. А в годы войны он был командирован на Третий Украинский фронт в качестве старшего фельдшера стрелкового полка.

Австрия. Апрель 1945-го.

В марте 1945-го наш полк получил приказ перебазироваться из Венгрии в Австрию. Личный состав погрузили на машины, впереди колонны шли несколько танков. Немцы к тому времени основательно выдохлись и оборону держали только по дорогам. Да кроме дорог там и проехать было больше негде — кругом горы, никакой транспорт не пройдет. Наши танки быстро смяли жидкую оборону противника, и мы, практически без потерь, в первых числах апреля въехали в Австрию. Крупных скоплений немецких войск там не было, только небольшие гарнизоны в отдельных австрийских городах. Но реального сопротивления не оказывали и они. Так что мы почти что в мирной обстановке продвигались на запад среди невысоких и удивительно красивых тирольских Альп через уютные, чистенькие, очаровательные австрийские городки.

В один из дней апреля, ближе к вечеру, мы въехали в очередную населенный пункт. Наша санчасть с комфортом разместилась в большом благоустроенном доме. Раненые, которых было всего трое, и пять человек медперсонала расположились на отдых. Но выспаться нам не дали — под утро возле дома затрещали мотоциклетные двигатели. Выглянув в окно, мы немедленно схватились за автоматы. К нашему дому подъехали три немецких мото-

циклиста и легковой штабной автомобиль. Раздумывать было некогда — мы первыми открыли огонь по немцам и одновременно сообщили о случившемся в штаб полка. Позднее выяснилось, что в доме, где мы расположились, еще вчера проживал немецкий комендант этого городка. Но накануне он вместе с охраной уехал в столицу послушать венскую оперу. Фашист-меломан и не догадывался, что эта опера будет последней в его жизни.

К концу апреля, когда до нашей победы оставались считанные дни, немцы все же попытались остановить продвижение нашего полка вглубь Австрии. На борьбу с нами были направлены какие-то части, но наше командование старалось избегать столкновений. Примерно неделю немцы гонялись за нами среди гор и, в конце концов, взяли наш полк в кольцо в какой-то горной котловине. Раненых у нас к тому времени накопилось уже немало, многие нуждались в серьезной медицинской помощи. Комполка принял решение вывезти раненых и врачей через линию окружения, которая, по сведениям разведки, не была сплошной. Погрузили раненых на машины, старшим назначили меня. Показали на карте и на пальцах, куда нам ехать. Но выезд был намечен на вечер, и я просто не представлял, как в темноте найду нужную дорогу.

Для охраны нам выделили отделение солдат под командованием младшего лейтенанта по имени Сережа. Тот был таким же высоким и тощим, как я, но еще моложе. А вот вооружен был значительно сильнее. Кроме обязательных автомата и пистолета, у Сережи имелись еще и четыре гранаты-«лимонки», засунутые за поясной ремень кольцами наружу. Я еще сказал ему, мол, осторожнее с гранатами, убери их в подсумок. Но тот только рассмеялся и ответил что-то вроде: «Вы, доктора, вечно всего боитесь». И никуда «лимонки» убирать не стал.

В сумерках мы начали погрузку. Мне пришлось сесть в кабину первой машины, в которой должно было ехать отделение охраны. Ведь надо было указывать путь водителю. Охрана вместе с командиром Сережей грузилась в кузов. И вдруг я с ужасом слышу щелчок, который никогда ни с чем не перепутаю. Так щелкает взрыватель гранаты, когда из нее выдергивают чеку. Мгновенно падаю на пол кабины и пытаюсь утащить за собой водителя. Но тому помешала баранка, он упал не успел. Раздался оглушительный взрыв, нас с водителем засыпало осколками стекла, кабина превратилась в решето. Оказалось, что Сергей, залезая в кузов, зацепился кольцом одной из гранат за крюк для крепления брезента, и чека гранаты выдернулась. Предотвратить взрыв было уже невозможно. Так из-за неопытности и мальчишеской безалаберности за несколько дней до победы не-

лепо погиб 19-летний офицер, вся жизнь которого была еще впереди. И такие нелепые потери в Советской Армии в военные годы случались нередко. И только одному богу известно, сколько их было. Думаю, что уже после победы убитые горем Серезины родители получили «похоронку» со стандартной формулировкой «погиб при исполнении служебных обязанностей». Может быть даже «смертью храбрых». Что,

безусловно, соответствовало действительности.

А в тот момент вместе с Сергеем погиб еще один человек, находившийся в кузове, получил ранение наш водитель и несколько солдат. Не задело взрывом только меня да уезжавших с нами двух музыкантов, исполнявших в этой поездке роль санитаров. Пока перевязывали раненых, пока искали другого шофера, полностью стемнело и мы отправились в путь фактически ночью. Ехать было недалеко, километров 20, но по бездорожью, и потому — медленно. А когда до асфальтового шоссе, где уже была наша территория, оставалось всего 300-400 метров, мы наткнулись на немцев. Завязалась перестрелка. Я крикнул шоферу: «Гони!», и выскочил из машины вместе с охраной, чтобы отстреливаться. Моя машина прорвалась к шоссе, с двух других продолжали стрелять по немцам. И вдруг я вижу, что наши музыканты, вместо того чтобы обороняться, спрятались за машину и пытаются окопаться, чтобы укрыться от пуль. И такая меня злость взяла на этих трусов, что я готов был их пристрелить. Но не успел. Потому что они, видимо, почувствовали мое настроение и через минуту были уже вместе со всеми в кузове. Короче говоря, вырваться из окружения сумели все три наши машины. Через полчаса мы были уже у ворот госпиталя. Однако приключения той ночи на этом еще не кончились.

Нас встретил начальник госпиталя и сказал, что он обязан принять наших раненых, но все же предлагает нам ехать дальше. Потому что этот госпиталь находится всего в трех километрах от линии фронта, а фронт колеблется. И если немцы прорвутся, то у него нет даже машин, чтобы эвакуировать раненых. А в 20 километрах развернут тыловой госпиталь, где наши раненые будут в большей безопасности. Я спо-

рять не стал, и мы поехали дальше. Через полчаса я уже входил в приемный покой того госпиталя. За столом меня встретил хмурый капитан. Я подал ему пачку карточек и сказал:

— Принимайте раненых из передового района!

На что капитан неожиданно заявил:

— Ваших раненых не берем!

— Как это не берем? Есть же приказ маршала Толбухина, что

все госпитали обязаны принимать наших раненых!

— Не возьмем, и все тут, — уперся капитан.

Тут я задумался. Если мы сейчас не сдвинем наших раненых, а поедем еще дальше, то утром, возвращаясь к себе в полк, непременно попадем под обстрел немцев. Да и не возвращаться же назад с ранеными? И я решил действовать. Выхватил пистолет и скомандовал:

— Лицом к стене капитан, и ни звука, а то буду стрелять!

И знаком показал своим санитарам, чтобы у капитана забрали пистолет. Опешившему капитану пришлось повиноваться. Санитары довольно быстро занесли в приемный покой всех раненых.

— А теперь, капитан, пишите расписку на принятых раненых, — скомандовал я.

— Не буду писать никакой расписки, — огрызнулся капитан.

— Ну, тогда вместо расписки я заберу вас с собой в полк, а раненых оставлю здесь. Пошли!

— Ну, хорошо, напишу, — сквозь зубы процедил капитан и сел за стол.

Забрав расписку, мы с санитарями быстро вернулись к машинам. Но сесть в кабину я не успел, потому что кто-то крикнул:

— Доктор, берегитесь!

Я оглянулся и увидел, что прямо на меня, размахивая пистолетом, бежит полковник и на ходу что-то кричит. Это был начальник госпиталя. Хорошо, что мои санитары среагировали быстро и взяли начальника на мушку своих автоматов. Кто-то из них крикнул:

— Товарищ полковник, остановитесь! Один ваш выстрел, и мы из вас решето сделаем!

Угроза подействовала, мы немедленно уехали и к рассвету были в своем полку. После этого мне еще приходилось возить раненых через линию фронта. Но уже без приключений.

*Литературная обработка
Николай Глухов*